

**Глобальные феминизмы
Сравнительные тематические исследования
Женский активизм и исследования**

ТЕРРИТОРИЯ: РОССИЯ

**Стенограмма интервью с Натальей Львовной Пушкаревой
Интервью провела Ребекка Фридман**

**Местонахождение: Энн Арбор, Штат Мичиган, США
Дата: Декабрь 2015**

Nataliia Pushareva

**Мичиганский университет
Институт исследований по вопросам женщин и гендерной проблематики
1136 Lane Hall Ann Arbor, MI 48109-1290, USA
Телефон: 1 (734) 764-9537**

**Электронная почта: um.gfp@umich.edu
Веб-сайт: <http://www.umich.edu/~glbfem>**

© Регенты Мичиганского университета, 2015

Проект «Глобальные феминизмы» представляет собой совместный международный проект устных историй, изучающий женский активизм, женские движения и проводящий научные исследования о женщинах в различных странах мира. Мичиганский Университет начал проводить этот проект в 2002 при поддержке гранта из аспирантуры Rackham Graduate School. Виртуальный архив включает интервью с женщинами-активистками и учеными из Бразилии, Индии, Китая, Никарагуа, Польши и Соединенных Штатов.

Наши сотрудники в Бразилии находятся в Лаборатории устной истории и изображений (Laboratório de História Oral e Imagem - [LABHOI](#)), при Федеральном Флуминенском Университете (Federal Fluminense University - UFF) в Рио-де-Жанейро, и Núcleo de História, Memória e Documento (Центр истории, памяти и документации в Федеральном государственном университете в Рио-де-Жанейро, [NUMEM](#)). Интервью в Бразилии были проведены при поддержке учебной инициативы Мичиганского университета "Третье столетие", FAPERJ (Фонд поддержки исследований в Рио-де-Жанейро) и CNPq (Национальный совет по научно-техническому развитию Бразилии).

Наталья Львовна Пушкарева настоящее время является Руководителем Центра гендерных исследований Института этнологии и антропологии Российской Академии наук, главным научным сотрудником института, доктором исторических наук, профессором. Она автор более 700 научных работы, в том числе 12 монографий, редактором десятков научных сборников. Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

В 2002 году она создала "Российскую ассоциацию исследователей женской истории" - некоммерческое общественное объединение, которое провело 12 международных конференций в различных университетских городах России, собрав более 400 участников, изучающих проблемы женской истории и женского движения.

Н.Л. Пушкарева имеет большую научную школу, полтора десятка ее учеников защитили докторские и кандидатские диссертации и читают курсы по женской истории в разных вузах страны.

Rebecca Friedman: Hi, I am Rebecca Friedman. And I am delighted to be here today talking with Nataliia Pushkareva, a professor, Leading Research Fellow and head of the Women and Gender Studies Department at Russian Academy of Sciences in Moscow. Today we're here in Ann Arbor together. This interview is part of the Global Feminisms Project. We are going to spend about 60 minutes or so talking about your life and your work. So, thank you so much for being here today with me.

Natalia Pushkarova: Спасибо, Ребекка, что пригласили меня. Я с радостью отвечу на все вопросы. Спасибо.

RF: Thank you! So, if it's OK with you, I'd like to start at the beginning; and I'd love to get a sense of what brought you here today. So, if you could talk about whether there was a moment in your early life, a memory, a person, who influenced you and who got you on your path.

НР: Видишь ли, Ребекка, я родилась и выросла в семье историков. Мои родители занимаются российской историей и поэтому с детства я была окружена их друзьями, тоже учеными историками. Один из них, который в те годы, в 70-е годы, это было нетипично для Советского Союза, был хорошо знаком с западной историографией. Это был Владимир Терентьевич Пашуто, автор книг об Александре Невском и о внешней политике Древней Руси. Именно этот человек был другом моего отца, именно он предложил мне заняться женской темой. И сказал: «Есть история книгопечатания в Древней Руси, есть внешняя политика древней Руси, есть ремесло древней Руси. Напиши о женщинах древней Руси».

Я была тогда еще школьница. Это была середина 70-х годов. И когда я с такой темой, которая меня сразу привлекла, пришла учиться на исторический факультет Московского Университета, то тему эту никто не хотел принимать. Говорили: «нет такой темы женской истории, что ты такое придумала». Ведь это было время господства марксизма. И, согласно марксистскому представлению, все досоциалистическое прошлое было временем всемирно исторического поражения женского пола. Женщины были где-то на вторых ролях и историей их не стоило заниматься. Поэтому стоило больших усилий для меня и в дальнейшем для тех, кто поверил тоже в женскую тему, добиться признания женской темы в нашей российской историографии.

Так что начинала я, как специалист по женской истории русского средневековья. А затем мои интересы стали хронологически простирались дальше. Сначала – древняя Русь, потом – женщины раннего Нового времени, Нового времени, Петровской эпохи. И таким образом, я дошла до истории рождения женского движения в России.

И вот тут я впервые обратила внимание, что у нас занимаются любыми социальными движениями. Рабочее движение, с удовольствием принимается.

RF: Of course.

НР: История крестьянских войн и крестьянского движения, тоже хорошо освещена. Даже религиозное движение в общем-то неплохо представлено в историографии. Не было только женщин. Не было женщин, не было женских союзов, женского движения. Вообще, непонятно было, что было с нашими женщинами до Великой Октябрьской социалистической революции, потому что согласно марксистской концепции, только революция 17-го года дала женщинам все права. В том числе права голосовать и быть избранными. Так я оказалась лицом к лицу с женской темой. И эта тема ведет меня через всю мою научную жизнь и мою, вообще, судьбу.

Можно сказать так: что я познакомилась с женщинами, нашими древнерусскими и жившими позже, многих людей во всем мире. И эти женщины, мои древнерусские женщины, показали мне весь мир. Вот потому что, благодаря тому, что я влюбилась в эту тему, я стала участвовать в международных конференциях, познакомилась со многими своими коллегами, в том числе в США.

RF: Very interesting. And as you began to study women of medieval Russia and early Russia, did you find colleagues in Russia, with whom you could work? Did you find other people studying these things?

НР: Сразу скажу, что когда я начинала заниматься этой темой, ни один человек не взялся изучать вместе со мной то же положение женщин Древней Руси и в раннее Новое время. Скажу больше. Прошло 35 лет, как я занимаюсь этой темой. Но с тех пор нету людей, которые бы взялись за эту тему. Считается уже, что они раскрыты, вероятно, что она достаточно изучена. Поэтому те, кто приходит сейчас в науку, они тоже стараются брать более поздние периоды. Как правило, популярным является XVIII век и все, что связано с женщинами в восемнадцатом веке. У нас ещё не было женского движения. И уже XX век, 20-е годы, период так называемого решения женского вопроса, то есть 30-е годы. И вообще вот советский период, он достаточно хорошо представлен в историографии. Но ранней эпохи нет, по-прежнему женской истории нету.

RF: And, would you say, given that for so long you worked by yourself on this theme – right, it was just you? Did that impact, did that influence your ability to be successful in the university? You are a very successful academic now. But, if you were working alone for so many decades, what was that impact?

НР: Сразу скажу, отвечу на этот вопрос, Ребекка, что было очень трудно. Потому что тему не принимали. Мне не хотели давать разрешение защитить диссертацию. Говорили, что не бывает темы «просто женщина и просто ее положение. Может быть, положение крестьянки или ремесленницы».

RF: Right...

НР: Женщины с трудового народа. Потому что, господствующими классами, так называемыми, тогда у нас заниматься было запрещено.

Никто не хотел быть моим научным руководителем.

RF: Really?

НР: Никто не хотел брать такую тему. И лишь один из археологов. сейчас он всемирно известен, потому что именно он занимается берестяными грамотами (берестяными "birch bark documents"), которыми можно... на основании которых можно узнать о жизни простых людей в Древней Руси. Его зовут Валентин Янин. Он теперь действительный член Академии наук, то есть академик, самое высокое научное звание. В то время он был только доктором наук и профессором. И он сказал: «Я ничего не понимаю в истории женщин и не знаю, существует ли она. Но я готов поддержать тебя, чтобы ты писала эту новую тему».

RF: That's great.

НР: Удивительно что так сложилось, что именно в это время моя коллега в Америке. И это была Ив Левин. Взялась в Америке тоже за тему положения женщин в древнем Новгороде. Поэтому мы познакомились. И вот с 1980-го года мы дружим с Ив Левин. Теперь она тоже является главным редактором *Russian Review*. И, благодаря Ив, я познакомилась с западной историографией, с американской историографией; поняла, что вообще в Америке сделано очень много для изучения женщин не только во всем мире, но именно в России, в том числе. И руссиеведение очень сильно.

Это повлияло, бесспорно, на меня; сформировало направление моей работы. И я теперь считаю, что вот эта дружба моя с Ив, она, в известной степени, определила мою научную биографию.

RF: That's interesting. Let me ask you, if I may, one more question that's maybe more personal. Given that you came from a family of historians, how did they respond to your choice of topic, your parents?

НР: На этот вопрос ответить на самом деле не очень легко. Дело в том, что мой отец, который изучал историю русской культуры, [неразборчиво] источниковедение. Он защитил вторую диссертацию, докторскую диссертацию, по классификации исторических источников. То есть, по теоретическому источниковедению. Он поддерживал меня с самого начала. Говорил, что это тема нужна, что она интересна. Она увлекла меня. Он видел это. Но что удивительно: мама, которая была и остается активной деятельницей в науке, имеет большую научную школу, она занималась началом... и занимается началом XX века в России, социальными и протестными движениями.

Как ни странно, мама чувствовала опасность в этой теме, потому что в те времена она боялась, что ее не примет научное сообщество; мне не дадут опубликовать эту

тому, как книгу; и, что выбор такой необычной темы может поломать научную биографию. Она, с одной стороны, поддерживала меня, как человек, который тоже самостоятельно сделал свою судьбу в науке, многого достиг. Она тоже профессор и прожила нелегкую жизнь; и, доказывая самой себе, что женщина, родившаяся в провинциальном маленьком городке, может завоевать столицу, может стать профессором в Москве. Она, вдохновленная этими идеями, конечно, хотела мне удачи научной судьбы.

И, конечно, она меня с детства ориентировала на то, чтобы я чего-то достигла в профессии и была успешна в профессии и в науке.

Меня совершенно не воспитывали в духе традиционного воспитания девичьего. Когда говорят, что очень важно чтобы у тебя был бы хороший муж, который бы тебя понимал; что очень важно состояться, как женщине, как матери. Вот это тема отсутствовала в моем воспитании. Но всегда присутствовала тема: «ты должна добиться сама, ты должна ориентироваться на собственные усилия, ресурсы и так далее». И родители, в общем, выполнили поставленную воспитательную задачу. Потому, что школу я закончила с медалью, университет закончила с так называемым красным дипломом (то есть без четверок). Была сразу рекомендована в аспирантуру и вновь встал вопрос: какую тему брать для защиты диссертации. И снова я взяла женскую тему, и, таким образом, женская тема сопровождает меня всю жизнь.

RF: Thank you! And over the course of your life in the academy a lot has changed. Right. Now, how is the subject of women and women's studies received?

НР: После защиты моей кандидатской диссертации я поступила на работу в Академию наук. Все эти события совпали с так называемой перестройкой, с разрушением, коллапсом Советского Союза и внезапно возникшим интересом к тем темам, которые изучались на Западе. Среди этих тем была и история феминизма, история женского движения; и, вообще, все, что связано с женской темой.

Надо сказать, что институт, в котором я работаю, с самого начала был более приближен к этой женской теме, нежели, скажем, просто исторический институт. Институт этнологии и антропологии традиционно изучал быт и жизнь семьи у разных народов. Поэтому и тема женщины была здесь в целом принята неплохо. Но что удивительно: когда я с защищенной диссертацией пришла на работу в институт, мне сказали: «Эта тема для вас может быть факультативной. Вы можете ей заниматься в свободное время. А институту нужно, чтобы вы занимались историей русской эмиграции».

Поэтому я официально занималась историей эмиграции, а все свободное время тратила на изучение женской темы. И все-таки она осталась со мной, эта тема. Несмотря на написанные книги по другим сюжетам, не связанным с женщинами, из 10-ти книг, которые я написала, из 10-и монографий, восемь связано с женщинами и с женской историей. Поэтому все-таки тема оказалась сильнее.

И между тем, значит, я говорю сейчас о восьмидесятих годах. В девяностые годы концепция «gender studies» и гендера проникает в наш, можно сказать, научный «discourse». И появляются первые школы, летние школы, по повышению квалификации историков, интересующихся различными новыми направлениями в науке. К этим направлениям принадлежали и «gender studies». Надо сказать, что я услышала впервые об этом направлении, отдельном направлении науки от социологов. Стала принимать активное участие в тех школах, которые они проводили. Меня приглашали как преподавателя, который может рассказать об истории женщин. Но я на этих школах не только преподавала, но и училась сама. Я слушала, что рассказывают политологи и социологи, я узнавала имена, без которых сейчас невозможно себе представить всю историю феминизма, как политического течения и как интеллектуального течения. Поэтому я узнала о Симона де Бовуар, я прочитала Кейт Миллетт, Джудит Батлер, Элен Сиксу. Все это, Бетти Фридан, естественно. Эти произведения еще не были произведены переведены на русский язык.

Но чтение этих книг, они переворачивали просто душу женщин, которые прикасались к этим текстам. И, когда я познакомилась с текстами, с классическими текстами феминизма, я поняла, что я уже не смогу по-старому изучать и своих женщин; я поняла, что нужны другие подходы; и нужна не описательная история женщины, не иллюстративная история женщин, а история женского политического участия, история женской борьбы и побед. И именно так я вижу современное изучение женского вопроса и женского движения.

RF: That's very interesting. So, in the 1990s, then, things really were changing. Would you say, when you were coming to these revelations after reading these texts, were you then among a community of other women scholars? Was it you alone at that point or were there other women?

НР: Да, в этот момент, конечно, в 90-е годы нас было очень мало. И мы рассказывали друг другу о том, что мы нашли очень важную новую книжку; и говорили о том, что ее нужно посмотреть, прочитать, где ее можно достать, в какой библиотеке.

Западному человеку даже трудно себе представить, что в советское время не все западные книги выдавали любому читателю в библиотеке. Существовало так называемое специальные хранение – «спецхран» - и нужно было писать заявление: «Разрешите мне ознакомиться, допустим, с книгой «Второй Пол» Симоны де Бовуар.» Вас спрашивали: «А зачем вам это надо? Почему вы решили с этой книгой ознакомиться?» И просто сказать, что «ну мне интересно, что она написала» - там было нельзя. Нужно было обосновать: «Я изучаю женскую историю Древней Руси. Мне бы хотелось знать, что было во второй... в середине XX века, чтоб об этом писали во Франции французские философы».

Ну вот, тем не менее, мы добивались этих книг, мы их читали мы о них рассказывали. И в конце девяностых годов в России возникает, можно сказать, движение за создание школ, летних школ повышения квалификации, во время

которых мы, преподаватели, могли быть тем, кто идет за нами, рассказывать о прочитанных этих книгах. То есть, мы готовили курсы лекций короткие. Мы обращались в западные фонды с просьбой о поддержке. И западные фонды помогали нам в организации этих летних школ. В первую очередь я бы назвала, значит, фонд Форда, фонд Карнеги, Макартуры, фонд Сороса «Открытое Общество». Из немецких фондов: фонд Бёлля, фонд Розы Люксембург, Кондраненауер Штифтон, фонд Фридриха Эберта.

То есть, это немецкие фонды, американские фонды, которые протянули нам руку и сказали: «Вы устраивайте интеллектуальные школы. Мы вам поможем финансово». Мы устраивали конкурс эссе, к нам приезжал от 15 до 40 человек. Когда это движение окрепло, это уже было около 40 человек. И мы проводили эти школы летом. Мы сами вырастали, потому что мы слушали друг друга, лекции друг друга. Психологи женщины читали, женщины социологи, я – историк; женщины лингвисты, которые гендерной лингвистикой занимаются; журналисты. И мы старались донести наши знания из наших областей гуманитарных к представителям других областей. Тем самым сформировалось, по сути дела, интеллектуальное движение, которая объединяло – сетевое – которое объединяло все больше и больше женщин из нас из разных городов России.

По сути дела, это и было возникновение независимого женского движения. Ведь при советской власти не было реального женского движения. Существовала монополия Комитета советских женщин. Комитет советских женщин возглавлялся первой нашей женщиной-космонавткой Валентиной Терешковой. Она была во главе, Терешкова была во главе Комитета советских женщин. И Комитет советских женщин был абсолютным марионеткой в руках у власти. Они обсуждали только те вопросы, которые позволено было обсуждать. А с 91-го года возникают первые женские группы. В первую очередь, это были маленькие лаборатории и группы в различных университетах. Причем не столичных, не в Москве и Петербурге...

RF: Ah, ОК.

НР: А в провинциальных университетах маленькие группы тех, кто был заинтересован в изучении этого сюжета. И именно они подавали эссе и заявки на участие в летних школах; они к нам приезжали и мы росли вместе с ними, можно сказать. Они были подчас наши ровесницы или немножко младше. То есть, это целое поколение женщин, которые по сути дела подняли эту тему. В том числе и тему и женского политического участия и женского движения на уровень научного обсуждения; и через науку они выдвинули ее в общественное обсуждение, на страницы газет, на телевизионные шоу. Конечно, термин «феминизм», как имел образ такой, плохой образ, как бы привнесенного, чего-то привнесенного с Запада. А потому очень опасного. Но все-таки... Он сохранился, к сожалению, этот плохой образ. Но все-таки он пошатнулся в 90-е годы. Потому что к феминизму стали относиться по другому. И к феминистскому движению стали относиться с большим пониманием. И появилось желание разобраться в том, что, наверное, феминизм неоднороден, чтоб феминизмов много. Я поддерживаю именно эту идею. Они очень

различные: марксистские, либеральные, радикальные и психоаналитические. Но для того, чтобы говорить, я феминистка или я отрицаю эти идеалы, нужно знать об этом всем.

RF: Of course.

NP: Следовательно эти знания, если мы получаем, мы должны их распространять. И эту задачу ставим.

RF: So to make sure I understand properly. The women, who participated in these summer schools and in the provinces and in the centers. Would they have considered themselves feminists? Or you're saying, each one might have, might have not, it depended on that particular person?

NP: Мы никогда не ставили в заголовок школ, название школы, термин «феминизм» или «феминистский». И, вообще, у нас нету единства в отношении того, должны ли мы все время подчеркивать свою принадлежность к феминизму. Или же лучше смотреть более широко и говорить, что мы принадлежим к женскому движению. Я как раз поддерживаю центристскую позицию, я считаю что должны быть услышанны все. Даже те, кто говорит открыто: «я не феминистка, никогда ею не буду». Я, знаете, смотрю просто на свою собственную жизнь.

RF: Aha...

NP: Потому что, в своих первых интервью, которые я давала нашим российским коллегам, меня спрашивали напрямую: «Вы феминистка?» Я говорю: «Да что вы! Нет, конечно, никоим образом! Как вы могли подумать?» Вот, но прошли годы, и это связано, конечно, и с моим персональным личным опытом, со сложностями, которые я испытала на своем пути. Я о них теперь могу уже сказать открыто, что факты моей биографии заставили меня саму себя считать феминисткой.

Это связано было вот с чем. Я была замужем 17 лет, и мы оба с мужем принадлежали вот к профессорско-преподавательскому составу университета Академии наук. После, мы учились на одном курсе. Но когда мы учились на одном курсе, и он и я, мы были абсолютно одинаковыми отличниками. У нас не было ни четверок, были одни пятерки. Но так называемую именную стипендию, то есть, более высокую стипендию, в два раза больше, дали ему, как мальчику. Просто сказали, что «ну, он же мальчик». И поэтому он получил ее, а я нет. Когда мы поступали в аспирантуру, то было сказано, «ну, у Наташи родители историки они и как-нибудь в жизни пристроят». И место одно в аспирантуре отдали ему. И мне все это время, мне не казалось это даже странно. Я считала даже, что это нормально. В тот момент я считала, что это нормально. Но когда мы поженились, тогда мы были просто знакомыми однокурсниками. Но когда мы поженились, и когда родился ребенок; и когда я поняла, что все обязанности по воспитанию, по заботам о ребенке лежат на мне, а не на нём... Потому что, он говорил: «ну, ты, наверное, более талантливая, потому что ты все успеваешь, а я не успеваю. Мне нужно это время». Я, стиснув зубы,

делала все и успевала действительно, но и все еще не считала себя феминисткой. Но, когда на следующий день после защиты мною докторской диссертации, второй диссертации; а я защитила для нас считается рано, в раннем возрасте, в 36 лет, вот вторую. Вот, то на следующий день после защиты диссертации он подал на развод. И на вопрос, да, и на вопрос: «ну что ты, почему?», – я заливалась слезами, вот, – «почему ты уходишь и прочее». Он сказал, «я не хочу быть мужем Маргарет Тетчер.»

RF: Wow...

NP: То есть, в те времена Маргарет Тэтчер была очень значимой фигурой в политике.

RF: Yes, I understand.

NP: Это сейчас, может быть, молодежь не очень себе представляет, кто это такая, как Меркель, наверное, или что то там.

RF: Exactly!

NP: Но вот, в те времена она была очень известна, и, действительно, мы ничего не знали о ее муже; но зато очень хорошо знали, кто она такая. И он сказал, «я не хочу быть мужем Маргарет Тетчер». Он ушел, он женился на секретарше кафедры. Вот, и она, во-первых, она на 15 лет моложе. Ну вот. Во-вторых, она сразу поклялась, что она не будет ничего делать в науке; она не будет писать диссертаций; она не будет, так сказать, соревноваться с ним, соперничать. Ну и у них двое детей. У них обычная традиционная семья. Вот, а он, уйдя из семьи, как бы показал, «кто в лесу хозяин?» Такое выражение есть в русском языке. То есть, кто хозяин здесь жить. Вот оставайся одна. И сыну было в те времена в 14 лет, вот да. И он, видя вот эту всю картину и все на свете, и он сказал: «мама» - сказал он – «я феминистом буду».

Вот, так сложилось, что с этого момента, вот со времени этого ухода и всего, я круто изменила свои взгляды. И когда у меня уже спрашивали по поводу взглядов феминистских и прочее, вот, я говорила: «да, я хочу защитить тех, кто находится в таком же положении, как я. Вот, я хочу, чтобы им было легче, я хочу, чтобы они себя чувствовали увереннее. Я хочу найти те слова, которые помогут таким же, как я, женщинам, выстроить свою жизнь и быть счастливыми в этой жизни». Поэтому для меня феминизм – это возможность выбора и возможность обоснования правильности выбранного пути. Вот я считаю, что занимаясь своей темой, я помогаю в этом женщинам; и, в общем, насколько это возможно, повышаю наше общее женское самосознание. А вот. И мне кажется, в этом такая сверхзадача тех научных исследований, тех штудий, которыми я занимаюсь.

RF: Thank you, and I am sure you do succeed at that. Absolutely, absolutely.

NP: К счастью.

RF: Right now, in your position, do you have students, who you are able to share your interests with? And are you a mentor to younger scholars interested in these themes?

NP: Теперь уже, когда я занимаюсь этой темой уже больше 30-ти лет; конечно, я могу сказать, что у меня есть те, кому я могу передать свое дело, и то, чем я занимаюсь. Огромным таким прорывом стало создание Российской ассоциации исследователей женской истории. То есть, организации, которая объединила тех, кто вначале учился в этих школах по женским и гендерным исследованиям. А в дальнейшем, в начале двухтысячных годов, я пришла к выводу о том, что, как мне не хочется заниматься организационной работой, мне придется это сделать. Нужно создать независимую от власти, от Академии наук, негосударственную организацию, некоммерческую организацию, которая бы объединила исследователей, преподавателей, которые занимаются женской темой, и готовы распространять эти знания дальше. Поэтому, как и в летних школах, в организации которых я участвовала, нашим принципам было, в первую очередь, приглашать преподавателей.

RF: Yes...

NP: Чтобы они, прослушав наши курсы, в дальнейшем это рассказывали в своих университетах. И мы старались, чтобы была представлена вся страна. Чтобы не одни и те же университеты приезжали, а чтобы все новые и новые города были у нас представлены

RF: Of course...

NP: Поэтому и в Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ), которую я возглавляю, сейчас больше 50-ти городов России и 50-ти университетов. Таким образом, и институты представлены. Это много людей разных возрастов, больше 400 человек у нас сейчас уже. Это большая общероссийская организация и межрегиональное общественное объединение. Мы проводим свои конференции каждый год. И каждый год в разных городах. Это является нашим принципом. Для чего? Для того, чтобы опять-таки познакомить разные части страны. Страна огромная.

RF: Of course!

NP: Конечно, проезд очень дорогой, перелеты и очень дорогие. Поэтому, до последнего времени, до вот этих сложных отношений в России и западных стран нам помогали западные фонды.

RF: Of course!

NP: Нам помогали западные фонды, помогал Глобальный фонд для женщин, помогали немецкие фонды, фонд Розы Люксембург по вполне понятным причинам, помогала Новая синагога в Берлине, помогала вот Американская ассоциация

женщин славистики То есть, различные организации, которые хоть понемногу, но участвовали. Помогали в издании тезисов, допустим, или давали средства на оплату билетов для молодёжи, потому что, мы в первую очередь приглашаем, конечно, аспирантов и молодежь.

RF: Of course!

НР: Да. Поэтому, отвечая на вопрос, есть ли школы теперь? Да есть. Есть те, кому я могу передать Российскую ассоциацию исследователей женской истории для того, чтобы она бы существовала дальше. Надеюсь, что если я уйду из этой организационной работы, уже есть те, кому ее и продолжать дальше, инициировать новые проекты. Но самое главное, как мне кажется, это то, что эта тема по-прежнему присутствует в научном дискурсе, по-прежнему защищаются диссертации. Появляются новые и новые аспекты, которые ранее не могли быть поставлены. В последнее время я бы в первую очередь выделила бы тему здоровья и тела: женского тела, женского здоровья, репродуктивного поведения и всего, что связано с историей медицины, историей акушерства и так далее. В отличие от западной историографии, у нас совершенно нет исследований на эту тему. Для нас это новое, для нас это междисциплинарная направление, которое, с одной стороны, является наукой, научной; а с другой стороны, выходит на практическое решение тех вопросов, которыми сейчас озабочено российское общество. И поэтому мы тесно сотрудничаем и с женскими организациями, оказывающими психологическую помощь женщинам, и с борцами против насилия, против домашнего насилия. Все это новые темы, они принесены из западной историографии. Но благодаря вот тем контактам, которые уже наработаны в те годы, когда еще не было ни санкций против России, никаких-других действий, мы продолжаем активно работать и сотрудничать и инициировать новые проекты.

RF: And especially given the nature of those themes, health and reproduction, is there a relationship, would you say, between what goes on in schools and universities and other areas of women's lives? Is there a kind of activism for women outside of the academy, outside of the schools with which you work?

НР: Здесь очень сложный вопрос, он вот с чем связан. Дело в том, что проявлять активизм, в том понимании, в каком он понимается на Западе, наша современная власть не поощряет подобного рода действия. Поэтому женщинам помогать можно, считает представитель нашей администрации власти. Но в том направлении, в каком месте нужно власти. Поэтому существует женские организации, которые инициированы сверху, административно. Они тоже вносят свой вклад в изучение женской темы, в самом широком смысле этого слова. И в известной степени собирают практический материал, на основе которого могут работать исследователи, социологи или этнологи, социальные антропологии и так далее. Что касается теоретического осмысления вопроса, то, конечно, это происходит только в рамках академии. Здесь для меня очень важным является вопрос взаимодействия ученых в академии и женских организаций вне академии. Потому что все-таки я считаю, что многие из российских ученых, которые считают себя феминистками,

находятся буквально в башне слоновой кости. Они себя считают такими теоретиками, такими мыслителями, интеллектуалками.

RF: Yes.

NP: Что они подчас не умеют разговаривать с обычными людьми.

RF: Aha, aha.

NP: Они не могут донести эти знания до тех, для кого они собственно и изучают эту женскую историю, женское движение. Опять-таки сошлюсь на собственный опыт, когда однажды была организована даже не школа, и не конференция, а своеобразное такое, не знаю, на Западе есть такое название «workshop».

RF: Yes.

NP: Да, для практических работников воспитательных учреждений за полярным кругом. То есть на севере русском. Там, где за Архангельском, за Мурманском, на самом севере. И туда мы приехали, те, кто хотел рассказать вот об этих новых подходах в педагогике, и вообще, теме гендерной педагогики и воспитании детей и прочем.

RF: Aha.

NP: И вот мне сказали: «Наталья Львовна, Вам нужно будет поговорить с воспитательницами детских садов и объяснить им, зачем им нужно воспитывать по-другому мальчиков и девочек; почему им нужно особым образом читать книжки; на что им там надо обращать внимание, чтобы вот не воспроизводить гендерные стереотипы». И, Боже мой, я поняла, что мне уже нельзя будет говорить ни о каком «гендерном дисплее», ни о каких там «бифуркациях сознания», вот. А мне нужно будет как-то очень просто объяснить, зачем это нужно нашим детям.

RF: Aha. I see...

NP: И я пошла там, в Мурманске, в книжный магазин и купила детские книжки с картинками; и показывала, вот смотрите как у нас написана [неразборчиво] фраза, которую читают дети. «Мама мыла раму.» Почему же мама моет окна, а не папа моет окна? Почему не папа мыл раму? Почему складывается подобного рода, как возникает этот стереотип, что женщина должна заниматься домашней работой? Почему в детских книжках рисуют папу сидящего, читающего газету за столом и ждущего? А маму в это время в шлепанцах и в халате, которая мама варит что-то и ему эту еду подает. То есть, мы с ними читали детские книжки. Значит, отсюда вывод: мы, представители так называемого интеллектуального сообщества, должны все время думать о том, как вынести наши знания за пределы академии и донести их до простых людей.

RF: Exactly!

NP: Я думаю что это вот та задача, которая стоит перед теми, кто долгие годы занимается женским делом.

RF: It's really interesting. And I think, the same thing could happen all over the world, these kinds of conversations exactly.

NP: Мне тоже так кажется, да, что если стереотипы. Да, да...

RF: Which brings me to another question, if I may? Would you say now, given where you are in your life and in your career, do you feel part of a global network of feminists, of scholars? Do you see yourself and your colleagues in Moscow as part of a global network?

NP: Ну, безусловно, и я сама, и вот те, с кем я начинала эти школы женских и гендерных исследований. Я надеюсь, что они тоже могут быть представлены в вашем проекте именно потому, что они могут рассказать, как в их науках, в их сфере, которые они выбрали, развивалось их понимание феминизма и своей роли в женском современном движении. Поэтому и я и они, конечно, ощущаем себя частью мирового женского движения. Потому что, думаю и наша организация, Российская ассоциация исследователей женской истории... она, конечно же, является частью Международной федерации исследователей женской истории, которые собираются раз в 5 лет вместе с Конгрессом исторических наук.

RF: Ah, OK...

NP: Поэтому в этой федерации я с 1989 года, со времени ее создания. Тогда еще у нас не было своей организации, но я была как наблюдатель, да. Вот я видела, как она создавалась Это все происходило на моих глазах. Если сначала было там 25 стран, а сейчас более 100.

RF: Wow...

NP: А вот. Поэтому вот интерес к женской истории растет и мы, конечно же, является частью интеллектуального такого «milieu», среды, да? С другой стороны, как представитель Общероссийского совета по консолидации женского движения (есть еще и такое общероссийское объединение женских организаций), вот в него я хожу именно потому, что являюсь главой некоммерческого объединения для женщин. А соответственно, как член вот этого Совета по консолидации женского движения, я себя ощущаю частью женского движения России. А соответственно, и частью мирового женского движения уже через этот совет.

RF: OK.

NP: И как глава экспертного совета.

RF: So it seems like you've managed success on many levels: internationally, nationally and personally, as well.

NP: Можно сказать и так.

RF: At this point I'd ask if there is anything else that you would like to add to our conversation. Anything, I have not asked you that you might like to share with us, with me.

NP: Что бы мне хотелось добавить к этому? Наверное, в первую очередь я хочу выразить надежду на то, что наши интеллектуальные усилия, наши объединённые интеллектуальные усилия должны иметь поддержку в следующих поколениях.

RF: Yes.

NP: Очень хочется на это надеяться.

RF: Yes.

NP: Хочется верить в то, что наши усилия не напрасны и мы будем поняты теми, кто идет за нами. К сожалению я вижу во многих странах своеобразный консервативный поворот. Вновь увлечение желанием быть, как все. Желанием быть – назовем это так –женственными, а не братья за мужскую работу, мужские профессии, разделять предыдущие ценности предыдущих поколений, скажем так. И вижу ироническое отношение к феминизму, к тем движениям, к тем демонстрациям, к тем усилиям, которые проявляли женщины до нас на протяжении всего XX века во множестве стран. И мне хочется, чтобы в нашей стране образ феминизма не был таким оболганным. Чтобы он был бы адекватным, чтобы понимали, что феминизм - это не просто борьба женщин за свои права. Это борьба женщин за право выбирать свой собственный путь. Не зависеть от традиций, не зависеть от давления среды, а оставаться самими собою и любить самих себя. Поэтому я часто пишу своим ученицам, когда они говорят о том как они устали и у них не хватает на что-то сил. Я всегда говорю: «ты у себя одна», – говорю я, – «ты должна быть сильной для самой себя, чтобы ощущать себя счастливой». И, конечно, мне хочется пожелать всем нам и им всем счастья.

RF: Спасибо. Thank you so much!

NP: Спасибо!